

1.3 О проговаривании впечатления образом и образотворчестве в поэзии.

Позволим себе рассудить и высказаться о словесном выражении перед образом, как о некоем вторичном образотворчестве. Предложим к размышлению нехитрую рассудочную схему: если Первообраз – первичен, образ рукотворный, живописанный – есть от-ображение, устремлённое к единообразию с Первообразом, то наше творение, словесное выражение от некоей впечатлёрности образом – устремлено через образ живописанный – к Тому же Первообразу. Веруем, надеемся, что это – так и сами не вмещаемся в рамки предложенной схемы рассуждений... Внятно понимая, что образ не обладает неким самостоятельным личным бытием и не предполагает говорения о себе, не понуждает к этому. Образ живописанный - создан для иных задач, пусть даже эти задачи не возможно сформулировать как-либо внятно. Удивительно, почти парадоксально, но образ – и не для созерцания его. Подобное созерцание принято в церковный обиход, повсеместно случалось прежде и случается вокруг нас... но не к тому – образ. Примеры высокой молитвенной созерцательности пред иконой мы, конечно же, находим и в житийных свидетельствах, например, в житии преподобного Андрея Рублёва Премудрый Епифаний пишет о мастере иконописи, как о созерцателе икон. В те времена, когда сам Андрей не занимается иконописанием, образотворчеством, он созерцает живописанный образ Божий. Но не к тому – образ... Пусть и не достойно нам говорить об этом, - но считаем так и будем пытаться обосновать своё понимание: образ отнюдь не всегда и не непременно предполагает своё видение, молитвенное предстояние и созерцание. Мы будем на примерах рассуждать об этом далее. Смеем помышлять, что образ, не предполагающий созерцания себя, не предполагает и рассудочных, научных изысканий о себе, не предполагает образ и говорения о себе, неких словесных по-следствий предстояния перед ним - не предполагает образ. Но, вместе с тем, предстояние перед образом – есть осознаваемое или нет - действенное со-образование образов: Перво-образа – Бога и образа Божьего в человеке, – и не иначе. Быть может, это со-зерцание, ощутим в корневом смысле слова «зерцало» - зеркального от-ражения образа Божьего человеком в себе и себя – в образе, предстоя перед

ним. Все прочие про-явления человеческой деятельности, впечатлительности перед образом – лишь следствия живого со-образования: образа Божьего в человеке и образа живописанного, рукотворенного, – со-образования перед Ликом Первообраза. Так что же тогда наше проговаривание впечатлительности образом, наше говорение перед иконой, - что же это? Смеем рассмотреть в этом проявление личного словесного творческого действия, образотворческого делания. Образотворчество, как поэтическое свойство, - в человеческой природе. Чувствуем это, принимаем это чувство и свидетельствуем о нём. Саму поэзию видим, как проявление образотворчества в со-действии с Творцом – про-явление словесного образа, мысленного, чувственного, воспринимаемого, гармонизирующего все составы человеческого естества. Воспримем поэтическое действие, как словесное со-образование человека в гармоническом единении его составов между собой и в единстве с Первообразом. Творимый образ гармонически, иерархично со-четаёт, уцеломудривает пред Богом человеческие составы духа, души и тела. Деятельно - сочетаются составные части человеческого естества в вос-станавливаемом перед Богом – образ Его, в очищенный образ, о-здоровленный, воскрешаемый, созидаемый. Отнюдь, сочленение – со-чинение чина слов ещё не есть возделывание личного преподобия, быть может – и некая лукавая подмена, способ забалтывания, выхолащивания, сублимации, имитации духовной жизни, само-обольщения. Но обратное представляется вполне возможным: образотворчество, преподобное делание вполне может проявить себя в поэзии. Высшее про-явление воссозданности образа Божьего в человеке именуем святым преподобием. В самом высоком смысле образотворчество человека – есть очищение, оживление, вос-создание образа в себе самом перед Богом и восхождение очищенного образа к Первообразу, к единообразию с Творцом, уподобление Богу. Усыновление Богом подобного Ему – вожделеннейшее желание в земном бытии, - к чему бы иные чаяния верующему сердцу, - такова по милующей благодати – насущнейшая, над-лежащая, жизненная задача от Бога – к человеческому естеству. Уподобление образа – через образ и перед образом мы принимаем, как метод – путь православия. Со-единение с Богом через молитву – путь, не ведомый нам, но заповеданный Спасителем в назидании о молитве непрестанной. Возделывание образа, как следствие или как способ, или как про-явление преподобного делания, возделывания пре-подобия в своей личности – глубокий и кропотливый продолжительный и нескончаемый труд. Этот труд не предполагает лёгкого жизненного течения во вкрадчивом шепотке, слышимом и поныне, ободряющем соблазнительно: «...будете яко бози...», - благоразумно отшатнёмся от них, «верующих и трепещущих», возвратимся к образу своему не омытому, не раскрытому покаянием.

Воспримем, как словесное про-явление трудов образотворчества человека – молитву, как поэзию – в наивысшем выражении деятельной души – прорастающей жизни духа. Смеем ли возвести понятие поэзии, поэтичности – к столь значимым высотам образотворчества. Думается так, что – смеем, со всею оглядностью на опасность хождения пред Богом на ползком жизненном пути, удобопоползновенном ко греху. Сможем ли применить эту смелость к себе самому, помыслить, что нашим говорением пред образом мы вос-станавливаем образ в себе, вос-крешаем устремления к личному пре-подобию... - вот это вряд ли. Утешимся святоотеческим ободрением, опытным свидетельством о том, что Господь и намерения – целует. Обнадёжимся, что саму воз-намеренность нашу, сам помысел к уподоблению – не отринет Господь. Вот и пре-будем, не расстанемся с этим помыслом, насколько дано нам, – станем проговаривать пред образом свою впечатлительность,

запечатлённость, приневоленность им. Станет ли это говорение нашим деятельным со-образованием с образами Феофана, нашим личным со-образованием с Первообразом. Слишком высоко, отнюдь не планка, но само небо образного раскрытия перед, над – нами в Преображенском храме. Слишком больно глазам, не готовым, навывшим к своей темноте, - глазам, свет которых есть во истину – тьма, кротоподобным глазам, - больно распахнуться к свету, который, как мы, непричастные, понимаем это, – созерцал мастер Феофан. Созерцал и вмещал всем своим существом - свет, к которому человек, мастер – образотворец был раскрыт всецело. Не мог же он выдумать таковое, со-чинить в себе некую светоносную фантазию, некий умственный творческий фантом. Не мог же мастер Феофан запечатлеть некий посторонний, чужой себе, прочитанный и не ставший лично при-сущим опыт. Не мог художник - изограф от-образать некое внешнее, не воспринятое вовнутрь, переданное и не усвоенное Бого-словское суждение... Здесь перед нами – образные по-следствия лично пройденного незаблудного духовного пути мастера. Образы Феофана – несомненные про-изводные личного освящения, личной причастности к свету, не есть некая фантазийная эманация, некое мечтание кисти монументальными формами на стенах. Феофанова кисть, несомненно, водится – во-ображённым - духом мастера, водится Самим Духом Святым, Господом Живо-Творящим. Нельзя мысленно пред-усмотреть, про-думать столь множественных нюансов смысловых со-отнесений образа, выстроить их в некую упорядоченность и от-образить, последствуя хладным рас-судочным логичным суждениям. Перед нами - следствие творческого духовного наития, Духо-водство, тайнодействие некоей творческой мистагогии... следствие о-Духо-творения в живописи. Назовём ли это творческое действие мастера – проявлением религиозного опыта, ангела духоводящего... следствием благодати пре-избытствующей и обильно про-истекшей на мастера... Не столь важно то, как - мы – назовём это про-явление Духа в творческих формах, - это о-формление Духоведения, это Бого-видение и Бого-ведение, это Бого – словствоване живого письма, оживляющей кисти мастера. Доверимся образу – не от логичного обоснования правоты изображённого. Доверимся, подвижны несомненным внутренним чутьём. Перед нами – глаголющий Бог, раскрывший Себя в одухотворённом живописании человеческой руки. Проговариваем свою доверчивость, раскрываем для себя, пред собою этот образ в личном словесном понимании, вос-приятии его... и не считаем это занятие – пустым, а этот путь – преткновённым, ползким. Опытно пройден перед нами духовный путь автора – образотворца, путь торный и незаблудный. Путь, избилующий по-следствиями и следами пред-шествующих, - образами рукотворенными. И не почитаем образотворчество в слове перед образом живописанным – занятием, не достойным человека, занятием от-вращающим от истинного пути по следам пред-шествующих нам.

Рассуждаем именно о говорении, о проговаривании впечатлённости. О некоей непосредственной рефлексии слова – на образ, мысль словно бы отражается, воз-ходит от образа, во-ображающего в себя. Употребим это слово не вполне привычно. От образа, влюбляющего в себя... рождается слово в человеке... От Бога, влюбляющего в Себя через Свой образ, через Своё из-ображение. Блаженны не видевшие, но уверовавшие... Слаб я, человек, жаждущий видеть и осязать, слишком удалён от блаженства... Слишком удалён от созерцаний огнезрачных и вос-приятия голоса Божьего в них... Не материальна Любовь, не отобразима, но рождение её, про-исхождение её возможно воспринять пред образом. Образ не подмена, не замещение самой Любви, но свидетельство о Ней. Пусть так. Передаваема через образ Господняя Любовь - к нам и наша любовь - к Нему препосылаемая.

Проговаривая это да не исчерпаем нашего чувства, да не опрофаним, не опошлим полноты возбуждающейся, пробуждающейся, воз-никающей любви... полноты, которая хочет быть про-изнесённой из нас без умаления себя. Как знать, что это про-изнесение от полноты сердца, изведение слов из уст, не оглаголенных Святым Духом - говорение не исчерпает возникшей полноты. Исчерпаемо чуждое Бога наше надмение. Неисчерпаем Сам Бог и наитие Его - неизбывно. О ком глаголем, дерзновенные... Вразуми Сам, Господи!. Не смыкаешь, не затворяешь до времени уст молотящих... Вот и обнадёживаемся благоволением к про-износимому из них. Не устаём благодарить за каждое изливающееся слово, каждым изливающимся словом – благодарить Тебя. Неизбежно, в этом про-изнесении будут следствия нашей немощи, повторы, перекликания, рефрены смыслов, множащиеся самоутверждения произнесённого, быть может, значительно утяжеляющие текст... Если кто-то прочтёт некогда – да простит эту тяжесть, эти повторения, вторивание самому себе... да простит, если сможет и захочет протиснуться сквозь нагромождённые слова к трепетному смыслу... если не станут слова рукописаний мертвящими заторами к личному Боговосприятию и личному образотворчеству читающего. Как знать, станет ли повторение распознанных смыслов способствовать к уразумению, уяснению того, что мы хотели бы про-изнести и не можем однозначно, лаконично вложить в слово. Любовь – больше, чем произнесённое, из-глаголанное слово, но не вмещается в сердце любовь переполняет собою... и слово срывается с уст. Не проявляется ли так свойство нашего естества, созданного по Божьему образу - востечением к родственному своему – к со-образованности с Богом. Наше сердце, исполняющееся любовью, не удерживается внутри самого себя, но жаждет изойти словом вовне... пусть и в отчуждённое, внешнее для себя пространство... Естество Бога – Первообраз наш - преисполнено Любовью. Не воздержано в Любви Божественное естество... не вмещается в Саму Себя Божественная Любовь – и изливается в отчуждённое грехом внешнее – изливается Словом Бога воплощённым и действенным, энергичным Духом – изливается в наш - неблагодарный и злонравный... в наш – восприемлющий и отзывчивый – мир.

Под небом большим что - участь моя, где - Отчина мне,
Соринке в глазу. Слезающийся Зрак бездонной печали
Недвижно глядит, Себя узнаёт – Он – Логос в Начале.
Я – оттиск в пыли, ветшающий тлен на суетном дне,
Поруганный перл, униженный лик вне света и вне
Достоинства дня, над кем от стыда и звёзды – молчали
И капали в грязь, вживую, врасплох... их тут не встречали, -
В юдоли своей не жажду тепла, забыв об огне.

Приятилице! Твой образ – простёрт, объемлет и внемлет,
Вдывает, что горн, живительный Дух в сердечную клеть, -
Он хохочет дышать, вот здесь и сей час, - ис-полнить пустоты,
О-благо-творить иссохшую грудь, несчастную землю...
Не сдержат уста такой полноты. Не выдюжит смерть.
Воз-носятся ввысь, вос-ходят горе вос-кресшие ноты.

